

ка ономаσιологически полученных нами закономерностей склонения-несклонения не выглядит стройно-симметричной, как не выглядит таким и сам свод грамматических установлений. Многообразие и асимметрия грамматических переплетений обуславливают разнообразие оснований созданной нами типологии. Тем не менее эта попытка системного и объяснительного представления материала позволяет зафиксировать постепенную логизацию этой области грамматики и осознать алгоритмы выбора склоняемых и несклоняемых вариантов, безусловно, представляющих интерес в плане дальнейшего изучения с привлечением данных корпусной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Японское письмо / В.М. Алпатов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 626.
2. Виноградов В.А. Род / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 417-418.
3. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь ва-

риантов. – 2-е изд., испр. и доп. / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М: Наука, 2001. – 557 с.

4. Лебедев В.К. На стыке морфологии и орфографии / В.К. Лебедев // Тезисы Третьей Всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (7-10 декабря 2011 г., Санкт-Петербург) [Электронный ресурс]. – СПб.: Златоуст, 2011. – С. 31.

5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Пер. с фр. Д. Кудрявского, перераб. и доп. по 7-му фр. изд-ю А. Сухотиным; Под ред. и с прим. Р. Шор; Вступ. ст. М. Сергиевского / А. Мейе. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 512 с.

6. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. – 4-е изд., испр. и доп. / Д.Э. Розенталь. – М.: Книга, 1985. – 336 с.

7. Хабургаев Г.А. Очерки по исторической морфологии русского языка. Имена / Г.А. Хабургаев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 296 с.

8. Якубинский Л.П. История древнерусского языка / Предисл. и ред. В.В. Виноградова; Прим. П.С. Кузнецова / Л.П. Якубинский. – М.: Учпедгиз РСФСР, 1953. – 368 с.

УДК 811.161.1-81'36

Е.В. Бувалец

МНОГОЧЛЕННЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Бувалець О.В.

БАГАТОЧЛЕННІ СУБСТАНТИВНІ СПОЛУЧЕННЯ В ПОЕТИЧНОМУ ТЕКСТІ

У статті розглядаються багаточленні субстантивні сполучення, що функціонують в поетичному тексті, виявляються їх основні типи. Описуються лексико-парадигматичні відносини і граматичні характеристики компонентів багаточленних субстантивних сполучень в зіставленні з подвійними субстантивними конструкціями.

Ключові слова: багаточленні субстантивні сполучення, подвійні субстантивні конструкції, гіпоніми, гіпероніми, синоніми, прикладка.

Бувалец Е.В.

МНОГОЧЛЕННЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются многочленные субстантивные сочетания, функционирующие в поэтическом тексте, выявляются их основные типы. Описываются лексико-парадигматические отношения и грамматические характеристики компонентов многочленных субстантивных сочетаний в сопоставлении с двойными субстантивными конструкциями.

Ключевые слова: многочленные субстантивные сочетания, двойные субстантивные конструкции, гипонимы, гиперонимы, гиперсема, синонимы, приложение.

Buvalets E.V.

POLYNOMIAL SUBSTANTIVAL CONSTRUCTIONS IN POETIC TEXT

The article deals with polynomial substantival constructions that function in poetic text. Their major types are defined. Lexical and paradigmatic relations and grammatical characteristics of polynomial substantival constructions components in comparison with double substantival constructions are described.

Key words: *polynomial substantival constructions, double substantival constructions, hyponym, hyperonym, hyperseme, synonym, noun in apposition.*

В русском языке активно функционируют парные дефисные субстантивные конструкции, среди которых можно выделить группу древних устойчивых сочетаний фольклорного типа (*девица-красавица, путь-дорога*) и сочетаний, образующихся в контексте по продуктивной грамматической модели «существительное + существительное» (*дом-великан, зима-кудесница*). Один из элементов таких двойных сочетаний в большинстве случаев выполняет определительную функцию по отношению к другому компоненту сочетания. Существительное, называющее признак, именуется приложением. Кроме сочетаний, где компоненты находятся в подчинительных отношениях, в художественном тексте функционируют сочетания с равноправными синтаксическими отношениями между элементами. В таких конструкциях нельзя выделить определительный компонент. Между компонентами таких сочетаний устанавливаются синонимические отношения с элементом взаимодополнения (*путь-дорога, стыд-срам*), антонимические отношения (*добро-зло, купля-продажа*), а также представлены сочетания гипонимов, суммарное значение которых в языке передает значение гиперонима (*мать-отец – ‘родители’, руки-ноги – ‘конечности’, груши-яблоки – ‘фрукты’, пла-тья-штаны – ‘одежда’*).

В современном языке дефисные субстантивные сочетания, как правило, представляют грамматический двучлен. Поэтический язык, расширяя возможности привычного языкового употребления, допускает употребление субстантивных полиномов, состоящих из трех, четырех и более субстантивных компонентов, например, *сестра-поэт-певунья* (Б. Ахмадулина). Субстантивные конструкции такого типа назовем субстантивными полиномами. Подобные сочетания не представлены в прозаическом тексте в том объеме, в каком они представлены в тексте поэтическом, поскольку поэзия – «это системный потенциал языка, совокупность тех аномалий, девиаций, трансформаций, которые становятся его ростковыми точками» [6, с. 38].

Многочленные субстантивные сочетания ввиду невысокой частотности в поэтическом тексте рассматриваются в научных исследованиях как отклонения от двучленной грамматической модели. Такой подход правомерен, поскольку в многочисленных субстантивных сочетаниях представлена контаминация тех синтаксических и лексико-парадигматических отношений, которые присутствуют в двойных субстантивных конструкциях. Отдельные аспекты изучения двойных субстантивных сочетаний рассмотрены в работах Н.А. Янко-Триницкой, И.А. Оссовецкого, А.Т. Хроленко,

Л.В.Зубовой, В.В. Колесова, О.И. Фoniaковой и др. Новизна данного исследования определяется отсутствием систематического описания многочисленных субстантивных сочетаний как самостоятельных единиц поэтического языка. Целью данной статьи является характеристика многочисленных субстантивных сочетаний, функционирующих в поэтическом тексте, в аспекте лексико-парадигматических отношений и грамматических характеристик компонентов, входящих в их состав.

Анализ многочисленных субстантивных сочетаний, полученных методом сплошной выборки из поэтических текстов XX-XXI в.в., показал, что типичными субстантивными полиномами являются сочетания, состоящие из трех / четырех элементов. Многочленным субстантивным сочетанием или субстантивным полиномом, в отличие от бинарного, мы называем дефисное субстантивное сочетание, включающее в свой состав не менее трех элементов. В рассмотренном языковом материале количество элементов полинома обычно не превышает трех-четырёх, хотя потенциально этот ряд не замкнут и допускает включение большего количества компонентов.

По аналогии с отношениями, возникающими между компонентами двойных субстантивных конструкций, все многочисленные субстантивные сочетания, функционирующие в поэтическом тексте, можно разделить на следующие группы:

- сочетания, сумма значений элементов которых образует гиперсеми;
- сочетания, между элементами которых присутствуют синонимические отношения;
- сочетания с определительным элементом приложением;
- сочетания, элементы которых включены на основании морфемного отбора;
- сочетания, включающие повторы-отзвуки;
- случаи окказионального употребления многочисленных субстантивных конструкций.

Опишем каждый из перечисленных видов многочисленных субстантивных конструкций.

В поэтическом тексте представлены сочетания, элементы которых являются согипонимами по отношению друг к другу и образуют так называемый «ассоциативный ряд» (термин А.Т. Хроленко) – «совокупность двух или более слов одной части речи и одного лексико-семантического поля, связанных между собой ассоциативной связью» [4, с. 55]. Обобщенное значение подобного сочетания не равно сумме значений его компонентов. Объединение гипонимов в единый субстантивный ряд образует гиперсеми – сочетание, в котором «общее понятие определяется путем перечисления

образующих его более частных понятий» [3, с. 134]. Например, в следующем поэтическом примере ассоциативный ряд *евро-доллары-рубли* обозначает наиболее распространенную для россиян валюту:

*Верим мы, что огорчительно,
в евро-доллары-рубли.
Но Резанов и Кончита
говорят, что смысл в любви.*

(А. Вознесенский. «Юбилей «Юноны и Авось»»)

В поэтическом отрывке из стихотворения Е. Евтушенко «Прохиндей» элементы многочленного субстантивного сочетания *поросенок-соус-хрен* сближаются на основании метонимического переноса, образуя в сумме значение ‘стол, закуски’.

*В окнах слышалась перцовка,
поросенок-соус-хрен*

Субстантивный ряд, в который входит и элемент *перцовка* расширяет общее значение гиперсемы до ‘гуляние, веселье, пьянство’.

Компоненты многочленного субстантивного сочетания *серебро-сусаль-слюда* (М. Цветаева) имеют общий элемент значения ‘цвет, блеск’. Выбор элементов ряда ограничен – обладающие определенным (серебряным) цветом, блестящие отделочные драгоценные материалы.

При отборе компонентов полиномов *калина-липа-слива* (В. Павлова) и *инбирь-шафран-корица-корешок* (М. Цветаева) выбор компонентов не имеет таких строгих ограничений и представлен в первом случае значением ‘садовые и парковые растения’, а во втором – ‘пряности’.

Элементы многокомпонентных субстантивных сочетаний в поэтическом тексте часто вступают в синонимические отношения. М. Цветаева по аналогии с устойчивым парным сочетанием *грусть-тоска* образует трехкомпонентный полином с включением субстантивов этого же синонимического ряда – *тоска-печаль-кручина*. По справедливому замечанию В.В. Колесова, «чем древнее словесный образ, который сложился в семантике синонимического ряда, тем он устойчивее, потому что уже воспринимается неосознанно, а все новые синонимы просто «надстраиваются» над ним» [2, с. 109-110].

Между компонентами многочленной субстантивной структуры устанавливаются отношения окказиональной синонимии или, используя термин Ю.Д. Апресяна, отношения «квазисинонимии» [1, с. 235]. В следующем примере лексемы *воры* и *мятежники* сближаются на основе метафорического сравнения с *кориунами*:

Подымайтесь, воры-кориуны-мятежники!

Для костра сваго я сам припас валежнику.
(М. Цветаева. «Царь-Девница»)

Между элементами многокомпонентных субстантивных сочетаний возникают различные определительные отношения, по аналогии с субстантивными биномами, в которых один из компонентов является определителем по отношению ко второму, то есть приложением. Например:

*Вот муравей – храбрый мальши
мира,
вишенкой он бегаем по
веку.*

*Что для него волк-великан-
демон,*

*росы в крови, музыка трав
Трои?*

(В. Соснора. «Письма тебе»)

В данном поэтическом отрывке первый элемент многокомпонентного субстантивного сочетания определяется двумя последующими (*волк – какой? – великан, волк – какой? – демон*). Каждый из последующих элементов сочетания интенсифицирует значение предыдущего, образуется восходящая градация со значением ‘огромная, устрашающая сила’.

В трехчленном субстантивном сочетании приложение может выступать определителем не к одному (как в предыдущем примере), а к двум компонентам сочетания:

*Подымайся, ветер, по оврагам,
Подымайся, ветер, по равнинам,
Торопись, ветрило-вихрь-бродяга,
Над тем Доном, белым Доном лебединым*
(М. Цветаева. «Лжет летописец, что Игорь опять...»)

Элемент *бродяга*, выступая в роли определителя к элементу, называемому объект неживой природы *ветер*, антропоморфизует его. Семантические отношения между элементами *ветрило* и *вихрь* осложнены многозначностью первого. В значении ‘большой ветер’ компонент *ветрило* выступает квазисинонимом к компоненту сочетания *вихрь*. В другом непрямом значении компонента *ветрило* – ‘парус’, образованном на основании метонимического переноса, перед нами сравнение-определение *ветрило-вихрь*, осложненное вторым определительным компонентом *бродяга*.

Отбор элементов многочленного субстантивного сочетания может базироваться не только на ассоциативных связях между ними, но и проводиться на основе морфемной селекции. Например:

*Родитель-хранитель-ревнитель души,
что ластись чуждом и чадом?*

(Б. Ахмадулина. «Москва ночью при снегопаде»)

Элементы сочетания отбираются на основании общности агентивного суффикса *-тель*. Звуковое сближение происходит между существительными с суффиксом *-тель*, а также парнимической

аттракции *чудо* и *чадо*.

В следующем примере морфологический отбор первых трех элементов четырехчленного субстантивного сочетания основывается на единообразности разносклоняемых существительных:

Гай Юлий! – автор, ввел водопровод,
имен-племен-времен-империй – туз он...

(В. Соснора. «Возвращение к морю»)

Семантическое сближение (пространство – время) наблюдается между двумя последними элементами *времен-империй*, морфологическое – между тремя первыми *имен-племен-времен*. Следует обратить внимание на то, что данное четырехчленное сочетание осложнено предикативной формой *туз*, относящейся ко всему многочленному сочетанию.

Многочленные субстантивные сочетания могут включать так называемые повторы-отзвуки – парные сочетания, «повторяющие данное слово с изменением начального звука или группы звуков» [7, с. 416], как, например, характерные для разговорной речи сочетания *салатики-мулатики*, *культуки-мульки*, *тортики-шмортики* и подобные.

В сочетании *амуры-шуры-муры* использован языковой бином *шуры-муры*, за которым закрепилось значение ‘любовные дела’. Созвучный элемент *амуры* имеет сходное значение. Последний компонент трехчленного сочетания *муры* паронимически сближается со словом *мурава*, которое употребляется в фольклорном сочетании *трава-мурава*:

*Разделит по-соседски света пятна,
Росу и дождь, и ветер в голове
И утаит, расправив стебель мятный,
Амуры-шуры-муры в мураве.*

(В. Павлова. «Трава»)

Сочетание *стрижка-брижка-выскачка* (М. Цветаева) является переходным случаем. С одной стороны, от существительного *стрижка* образовано окказиональное *брижка*, внешне напоминающее повтор-отзвук *стрижка-брижка*, но в отличие от сочетаний с повторами-отзвуками (*тортики-шмортики*), в которых второй рифмующийся компонент (*шмортики*) не имеет значения, имеющее самостоятельное значение отглагольного существительного, образованного от глагола *брить*. С другой стороны, употребление всех трех компонентов семантически осложнено употреблением омонимичных суффиксов: *-к-* со значением процесса (*стрижка-брижка*) и агентивного суффикса *-к-* (*выскачка*).

В поэтическом тексте представлены окказиональные конструкции, в которых возможное варьирование количества компонентов обуславливает разный смысл. Например, *рай-дуга-Рубенс* (В. Соснора): трехкомпонентный полином *рай-дуга-Рубенс* или бином *райдуга-Рубенс*, в котором

первый элемент воспринимается как одно сложное украинское слово *райдуга*.

Проведенный анализ многочленных субстантивных сочетаний, функционирующих в поэтическом тексте, позволил выявить наиболее типичные виды подобных конструкций, определить особенности лексико-парадигматических отношений и грамматических свойств их элементов. Многочленный ряд представлен как однотипными отношениями между всеми элементами (сигнонимы, синонимы, квазисинонимы), так и комбинацией различных видов отношений, попарно устанавливаемых между элементами полинома (сочетания с определительным элементом приложением, сочетания, включающие повторы-отзвуки). Особую группу составляют многочленные конструкции, элементы которых отобраны на основании сходства определенных морфем. Существует ряд переходных случаев, в которых представлено окказиональное употребление элементов в составе полинома, позволяющих варьирование смыслов. Перспективой исследования может послужить описание многочленных субстантивных сочетаний, включающих несубстантивные элементы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Юрий Дереникович Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов / Владимир Викторович Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 703 с.
3. Оссовецкий И.А. Язык современной русской поэзии и традиционный фольклор / И.А. Оссовецкий // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия. – М.: Наука, 1977. – С. 128-185.
4. Хроленко А.Т. О составе поэтической фразеологии русской народной лирической песни / А.Т. Хроленко // Специфика фольклорной лексики и фразеологии. – Курск: Курск. ГПИ, 1978. – С. 49-68.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Алексей Александрович Шахматов. – [Изд-ние 2-е]. – Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. – 620 с.
6. Эпштейн М.Н. Грамматическое творчество в речи и языке / М.Н. Эпштейн // Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник докладов Международного научного семинара (Учреждение Российской академии наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) / [ответственный редактор докт. филол. наук Н.А. Фатеева]. — М.: «Азбуковник», 2009. — С. 31-38.
7. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразо-

УДК 811.161.1'35'373'42

М.С. Перепелица

ГРАФИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Перепелица М.С.

ГРАФІЧНІ ТА ЛЕКСИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНИХ ЗАГОЛОВКІВ

У статті розглядаються особливості графічної та лексичної трансформації заголовків газетно-журнальних видань. Класифікуються приклади трансформації заголовків друкованих видань Росії та України. Визначаються стилістична та прагматична функції виявлених трансформантів.

Ключові слова: трансформація, мас-медійний текст, мовна гра.

Перепелица М.С.

ГРАФИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

В статье рассматриваются особенности графической и лексической трансформации заголовков газетно-журнальных изданий. Классифицируются примеры трансформации заголовков печатных изданий России и Украины. Определяется стилитическая и прагматическая функции выявленных трансформантов.

Ключевые слова: трансформация, масс-медийный текст, языковая игра.

Perepelitsa M.S.

GRAPHIC AND LEXICAL TRANSFORMATIONS OF NEWSPAPERS AND MAGAZINES HEADINGS

In article features of graphic and lexical transformation of headings of newspapers and magazines are considered. Examples of transformation of headings of printing editions of Russia and Ukraine are classified. It is defined stylistic and pragmatistical functions revealed of the transformed words.

Keywords: transformation, the mass media text, language game.

Современное общество в коммуникативном пространстве подвергается большому влиянию масс-медиа. Сегодня информационные процессы с возрастающей скоростью трансформируют не только ценностно-смысловую основу культуры, но и само общество, саму человеческую ментальность. Мобильный диалоговый характер взаимоотношений масс-медийных текстов с адресатами информации – «существенная характеристика современного информационного общества» [4, с.8]. Трансформационные процессы происходят и на языковом уровне, в частности, в языке современной прессы.

В лингвистике понятие трансформации связано в первую очередь с именами американских ученых Зеллингом С. Хэррисом и Наумом Хомским, которые ввели в науку о языке такие понятия, как трансформация, трансформационный анализ, генеративная (трансформационная) грамматика. Н. Хомский предложил рассматривать синтаксис языка в виде двух систем: базовой (порождающей глубинные структуры) и трансформационной (порождающей поверхностные структуры и состо-

ящей из правил стирания, перестановки, добавления и т.д.) [9, с. 42]. Проблемы языковых трансформаций также нашли отражение в работах С.К. Шаумяна [8], Р.Б. Лиза [6], В.Б. Касевича [3], Ю.Д. Апресяна [1], Р. Барта [2] и др.

Журналисты современных масс-медиа, пытаясь избежать речевых штампов, выражают свою авторскую индивидуальность с помощью языковой трансформации, которая является одним из самых действенных способов активизации внимания читателя, что и определяет *актуальность нашей статьи*. Лингвисты подчеркивают: «Трансформируя материю языка и перенося в нее соотношение социальных сил, господствующих на арене истории, текст двойным образом связывается с реальной действительностью и двойко прочитывается: он вступает в связь языком (смещенным и преобразованным) и с обществом (согласуясь с его трансформацией)» [5, с. 35]. Возникает эффект интертекстуальности, проявляющейся в трансформации узуальных слов и выражений: ассоциативные смыслы, возникающие у читателя, связывают трансформированную языковую единицу с ее общеизвестным источником и создают яркий эксп-